

Череп-чаша и месть пленницы

Р. Г. Назиров

Подготовка текста Б. В. Орехова

«Старшая Эдда» донесла до нас древнее германское сказание, явно заимствованное с континента. Дочь бургундского короля, прекрасная Кримхильда, была выдана замуж за короля гуннов Этцеля (Аттилу) и родила ему двух сыновей. Братья Кримхильды, бургундские короли, владеют несметным сокровищем — золотом Нибелунгов, к-рое они спрятали на дно Рейна.

Этцель, желая завладеть сокровищем, заманивает братьев к себе во дворец, но они умирают под пытками, не выдав тайны рейнского клада. На следующий день на пир к Этцелю собираются вожди гуннов. Прислуживая им, королева подносит мужу лакомое яство, а затем открывает ему, что он съел сердца своих сыновей.

Ради мести Кримхильда, как Медея, не пожалела собственных детей. Объятый ужасом Этцель падает на ложе, и Кримхильда вонзает меч ему в грудь, а затем поджигает дворец и гибнет в пламени. Предпочла ли она позору казни гуннское самосожжение? Или мы имеем дело с «уменьшенным» отражением древнегерманской мифологической модели конца мира, того мирового пожара, к-рому предстоит уничтожить вселенную?

С этого сказания начинается история немецкого национального эпоса «Песнь о Нибелунгах». Здесь явно исторические события, и Кримхильда — это реминисценция Ильдико, последней наложницы Аттилы: имя Ildico — диминутив от Хильды (Hilda, Hildehen). Но эта зачаточная версия «Нибелунгов» дана в бургундском освещении. Это уже «Месть Кримхильды», как в окончательном тексте эпоса, но месть Этцелю, а не убийцам Зигфрида. В бургундском сказании никакого Зигфрида нет.

Из других исторических событий, с к-рыми в той или иной степени связана «Песнь о Нибелунгах», исследователи великого эпоса обычно выделяют неистовую и жестокую вражду двух франкских королей — Фредегонды () и Брунхильды (). Имя второй из них носит одна из враждующих королей в «Нибелунгах». Распря Фредегонды и Брунхильды залила кровью землю франков; в конце концов, одна из них умерла, а другая была взята в плен врагами и подвергнута варварской казни — её привязали к хвосту необъезженного коня за волосы, одну руку и одну ногу; коня пустили вскачь, и он «размыкал» по полю её тело, ка иногда говорится в русских сказках.

Но есть ещё одна историческая легенда, к-рая обычно не рассматривается в связи с «Нибелунгами». Между тем, она позволит нам поставить частные вопросы генезиса этого эпоса, несколько иначе, чем обычно.